„О подпоручике Ильинском“

К 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского

НЫНЕШНИМ летом, наконец-то, удалось мне побывать в древней сибирской столице Тобольске. Многих тянет к себе этот замечательный город. Люди приезжают сюда для того, чтобы побродить по улицам, которые помнят Радищева, Ершова, Алябьева, Менделеева, постоять возле могил декабристов на Завальном кладбище, полюбоваться знаменитым Тобольским кремлем, увидеть памятник Ермаку.

Но не только поэтому хотелось мне побывать в Тобольске. Здесь, рядом с кремлем, стоит Гостиный двор, построенный еще в начале XVIII века по проекту знаменитого сибирского архитектора, картографа и летописца Семена Ремезова. Когда-то, много лет тому назад, съезжались сюда торговые люди из многих городов Сибири и европейской России, да и не только оттуда: частыми гостями были здесь купцы из Бухары, Джунгарии, Казахской орды и других далеких земель. Давно уже не слышно тут гортанных голосов чужеземцев. Небольшой внутренний двор пышно порос травой. Стоят поленницы заготовленных впрок дров. Проложены вдоль стен деревянные тротуары. А сквозь обтянутые стальной сеткой узкие окна можно рассмотреть длинные и прочные стеллажи.

Сейчас в Гостином дворе расположен Тобольский архив — один из самых богатых архивов Сибири. На его полках хранятся рукописи XVII и XVIII веков, ценнейшие документы по истории Сибири, материалы, рассказывающие об освободительном движении, о ссыльных революционерах, о первых марксистских кружках. Десятки ученых работали в скромном читальном зале этого архива. В книге отзывов я видел благодарные записи исследователей из Ленинграда и Петрозаводска, Свердловска и Москвы, Тюмени и Новосибирска...

Что же в данном случае интересовало меня? Что надеялся я разыскать среди многих тысяч документов, хранящихся в сумрачных помещениях этого древнего здания?..

К сожалению, должен сказать, что найдена лишь какая-то крупица того, чего хотелось бы найти.

Речь пойдет о вещах, связанных с именем великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского.

ВО ВТОРОЙ половине декабря 1859 года кончилось изгнание Достоевского: ему было разрешено проживать в Петербурге. В столицу он привез первые страницы «Записок из Мертвого дома» — произведения, которое принесло его автору мировую славу. Наброски к нему Федор Михайлович начал делать еще в Омске — в арестантской палате военного госпиталя. Работал и потом — в Семипалатинске, в Твери, в Петербурге. Годом завершения этого произведения считается 1862-й, хотя начало появилось в печати раньше — в сентябре 1860 года. То есть, отдавая на суд читателей начало «Записок...», писатель продолжал работать над их последующими главами.

Вот отрывок из самой первой главы «Записок...», которая так и называется — «Мертвый дом»:

«...в остроге я слышал рассказы о самых страшных, о самых неестественных поступках, о самых чудовищных убийствах, рассказанные с самым неудержимым, самым детски веселым смехом. Особенно не выходит у меня из памяти один отцеубийца. Он был из дворян, служил и был у своего шестидесятилетнего отца чем-то вроде блудного сына. Поведения он был совершенно беспутного, вязался в долги. Отец ограничивал его, уговаривал; но у отца был дом, был хутор, подозревались деньги, и — сын убил его, жаждая наследства. Преступление было разыскано только через месяц. Сам убийца подал объявление в полицию, что отец его исчез неизвестно куда. Весь этот месяц он провел самым развратным образом. Наконец, в его отсутствие, полиция нашла тело... Он не сознался: был лишен дворянства, чина и сослан в работу на двадцать лет. Все время, как я жил с ним, он был в превосходнейшем, в веселейшем расположении духа. Это был взбалмошный, легкомысленный, нерассудительный в высшей степени человек, хотя совсем не глупец. Я никогда не замечал в нем какой-нибудь особенной жестокости. Арестанты презирали его не за преступление, о котором не было и помину, а за дурь, за то, что не умел вести себя. В разговорах он иногда вспоминал о своем отце. Раз, говоря со мной о здоровом сложении, наследственном в их семействе, он прибавил: «Вот родитель мой, так тот до самой кончины своей не жаловался ни на какую болезнь». Такая зверская бесчувственность, разумеется, невозможна. Это феномен; тут какой-нибудь недостаток сложения, какое-нибудь телесное и нравственное уродство, еще не известное науке, а не просто преступление. Разумеется, я не верил этому преступлению. Но люди из его города, которые должны были знать все подробности его истории, рассказывали мне все его дело. Факты были до того ясны, что невозможно было не верить...».

Что можно уяснить из этого отрывка? В Омском остроге Достоевский познакомился с человеком, который был осужден за отцеубийство, хотя в преступлении своем не сознался. Говорится о характере этого человека. Сам автор повествования, будучи великим психологом, знатоком человеческой души, в преступление это не верил, несмотря на то, что, казалось бы, все рассказы и приводящиеся в них факты говорили против «отцеубийцы». Достоевского поразила эта история — недаром он привел ее почти в самом начале повествования, в первой же главе.

Главу «Мертвый дом» читатели увидели 1 сентября 1860 года в газете «Русский мир». До того момента, когда была опубликована вторая часть «Записок...», первая глава печаталась четыре раза. Через год и восемь месяцев появилась в печати вторая часть «Записок...». (Вполне понятно, что за это время начало произведения разошлось по всей России). И вот в начале главы «Претензия» мы читаем страницу, совершенно не связанную с тем, о чем в этой главе будет говориться дальше:

«Начиная эту главу, издатель... считает своею обязанностью сделать читателям следующее сообщение.

В первой главе «Записок из Мертвого дома» сказано несколько слов об отцеубийце из дворян... автор «Записок» никогда не замечал в нем какой-нибудь особенной жестокости. И тут же прибавлены слова: «Разумеется, я не верил этому преступлению».

На днях издатель «Записок из Мертвого дома» получил уведомление из Сибири, что преступник был действительно прав и десять лет страдал в каторжной работе напрасно; что невинность его обнаружена по суду, официально. Что настоящие преступники нашлись и сознались и что несчастный уже освобожден из острога. Издатель никак не может сомневаться в достоверности этого известия...

Прибавлять больше нечего. Нечего говорить и распространяться о всей глубине трагического в этом факте, о загубленной еще смолоду жизни под таким ужасным обвинением. Факт слишком понятен, слишком поразителен сам по себе.

Мы думаем тоже, что если такой факт оказался возможным то уже самая эта возможность прибавляет еще новую и чрезвычайно яркую черту и характеристике и полноте картины «Мертвого дома».

А дальше начинается собственно глава «Претензия».

Таким образом, страшная история мнимого отцеубийцы рассказана полностью. Не напоминает ли она чего-либо? Ложное обвинение, судебная ошибка, разудалый нрав осужденного, его ум?.. Да ведь это же Дмитрий Карамазов — главный герой одного из величайших романов русской и мировой литературы «Братья Карамазовы»! Именно в Омске познакомился Достоевский с прототипом своего будущего произведения. Именно здесь родился самый первоначальный замысел романа. Однако литературоведы и читатели узнали об этом не сразу.

Много лет спустя после первых публикаций «Записок...», когда уже не было в живых их автора, Петр Мартьянов — ныне прочно забытый писатель — опубликовал свои воспоминания. Несколько страниц в них посвящено омскому периоду Достоевского. Правда, факты взяты Мартьяновым из вторых рук — от одного из офицеров, несших когда-то караульную службу в Омском остроге. Однако в этих воспоминаниях немало интересных деталей, касающихся как самого Достоевского, так и его окружения. Упоминает Мартьянов и «отцеубийцу из дворян»:

«...Присланный за отцеубийство дворянин был подпоручик Ильин, служивший в Тобольске в линейном батальоне. По решению суда, за дурное поведение он был приговорен к разжалованию в рядовые, а по обвинению в отцеубийстве, за неимением достаточных доказательств, суд полагал оставить его в сильном подозрении. Но император Николай Павлович, на утверждение которого восходила конфирмация военного суда, изволил положить резолюцию: «Отцеубийца не должен служить в рядах войск. В каторжные работы на двадцать лет».

Однако Мартьянов просто сообщил некоторые подробности, он не увидел связи между мнимым отцеубийцей и Дмитрием Карамазовым. Заговорили об этом гораздо позже. В 1936 году советский литературовед Б. Г. Реизов опубликовал статью «К истории замысла «Братьев Карамазовых». В ней он доказал, что именно безвестный тобольский подпоручик стал прототипом Дмитрия. Во-первых, говорит Реизов, в черновиках «Братьев Карамазовых» город, в котором происходили все описываемые в романе события, назван вначале Тобольском, и только потом появляется известное каждому читавшему этот роман название — Скотопригоньевск. А во-вторых, в набросках романа писатель давал Мите фамилию Ильинский.

Проанализировав эти и другие обстоятельства, Б. Г. Реизов делает вывод:

«Дмитрий Карамазов был одним из тех характеров, типов, которые вынес Достоевский из каторги, и это последнее его произведение больше чем какое-либо другое обязано своим происхождением страшным каторжным впечатлениям. «Братья Карамазовы» представляются нам теперь в совсем ином освещении; для своего автора роман этот не был только литературным вымыслом, продуктом его воображения и философской мысли: это была сама действительность, жизнь, история, нечто гораздо более правдивое и мучительное, чем простая художественная фикция».

А. ЛЕЙФЕР.

(Окончание следует).

„О подпоручике Ильинском“

К 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского

Зная все это, я и ехал в Тобольск. Ехал с надеждой найти в знаменитом архиве хоть какие-нибудь документы, связанные с именем несчастного тобольского подпоручика. А вдруг?!

В дороге я то и дело вынимал папку со своими выписками по Достоевскому, перелистывал, перечитывал их. И каждый раз невольно останавливался на одной, сделанной из той же статьи Б. Г. Реизова. Она была жирно обведена красным карандашом:

«Нам неизвестно, насколько близок роман и процессу Ильинского... Более близкое знакомство с источником позволило бы глубже проникнуть в творческий метод и неведомые замыслы Достоевского. Насколько воспользовался он процессом? Где кончается история и начинается художественный вымысел? В чем проявлялся творческий акт и как он осуществлялся? Глубокая и детальная разработка этих вопросов предполагает и более близкое знакомство с этим бытовым источником романа».

Встретили нас в Тобольске на редкость радушно. Директор Исай Иосифович Каплун рассказал о работе архива, об его сокровищах. Потом я изучил путеводитель, выбрал наиболее подходящие по годам и содержанию фонды и попросил принести их описи.

Не раз приходилось мне работать в архивах. Давно уже я знаю, какое это нелегкое дело — среди сотен и тысяч различных документов найти несколько нужных тебе. Тут редко «везет», редко выпадает так называемый счастливый случай. Только многодневный, кропотливый труд может дать результаты.

Я взял из стопки первую, лежащую наверху опись: фонд тобольского окружного стряпчего. Раскрыл, просмотрел первую страницу, вторую, начал третью... И вдруг вскочил со стула: в описи аккуратным почерком было выведено название дела: **«О подпоручике Ильинском. Начато 21 сентября 1846 года, окончено 6 февраля 1847 года. На 10 листах».**

Потом мучительно долго ждали, когда принесут дело. Оказалось, что лежит оно не в самом Гостином дворе, а в дальнем хранилище — в Рантерее, которую строили еще плененные в Северной войне шведы. Дело долго не находилось.

О чем я думал в эти часы? Сейчас уже трудно вспомнить. Должно быть, о том, что бывают исключения и в неписаных законах архивного поиска, о том, как лучше начать будущий очерк. Одним словом, о чем угодно, только не о том, что не бывает дел об убийствах на 10-ти листах: в таких случаях исписывают тома.

Директор, наконец, пришел. И я сразу увидел разочарование на его лице. «Вот, пожалуйста,— сказал он,— но это не совсем то». И положил передо мной тонкую папку, сшитую из пожелтевших листов плотной бумаги.

Да, это было не совсем то. Не само дело подпоручика Ильинского, а лишь служебная переписка по поводу этого дела. Бумаги о бумагах. Документы о документах. Например, вот такой:

«20 сентября 1846 года.

Господину тобольскому окружному стряпчему.

Подтверждаю вам выполнить ордер мой, при котором были препровождены мною вопросные пункты по делу подпоручика Ильинского, причем имейти наблюсти в Тобольской градской полиции за скорейшим отобранием ответов по этому делу от квартального надзирателя Дерягина и об отсылие оных в Комиссию военного суда, учрежденную над Ильинским, донеся мне о последующем. Тобольский губернский прокурор». (ГАТО, ф. 480, д. 30 оп. 1, л. 1 об.).

Погоревав немного, я успокоился, ибо понял, что и эта находка не так уж мала. Во-первых, это вообще чуть ли не первые подлинные документы по делу Ильинского, других, во всяком случае, пока опубликовано не было. Во-вторых, если до сих пор дата совершения мнимого преступления указывалась ориентировочно, то теперь она известна точно — 1846 год. И, наконец, в найденных документах фигурируют новые фамилии и факты. Указывается, например, номер Сибирского линейного батальона, в котором служил Ильинский, говорится, что его судила Комиссия военного суда, учрежденная при этом батальоне, и т. д. Кто знает, может быть, это ниточки, которые когда-нибудь приведут к настоящему делу злополучного подпоручика. Кстати, теперь не остается никаких сомнений относительно его фамилии — именно Ильинский, а не Ильин, как это сказано в воспоминаниях Мартьянова.

И еще успокоился я потому, что все встало на свои места. Остался в силе неписаный архивный закон: здесь не бывает головокружительных везений, находит только тот, кто, не жалея ни глаз, ни спины, неделями просиживает над пыльными папками.

Но вернемся к найденному. Тобольский окружной стряпчий, а потом и исполняющий его должность, были, должно быть, не очень-то старательными людьми. Чуть ли не полгода они тянули с исполнением требования губернского прокурора. (А ведь несчастный, ни в чем не виноватый Ильинский находился в это время под следствием). Прокурор был вынужден несколько раз повторить свое указание.

«29 сентября 1846 года.

Господину исполняющему должность Тобольского окружного стряпчего.

Строго предписываю вам настоять в Тобольской градской полиции за скорейшим удовлетворением требований Комиссии военного суда, учрежденной при Линейном сибирском батальоне № 1, от 9-го сего октября за № 450 о присылке для опроса и очных ставок с подсудимыми подпоручиком и бывшим деньщиком его Куклиным некоторых лиц гражданского ведомства, донеся мне о последующем в кратчайший срок. Тобольский губернский прокурор». (ГАТО, ф. 480, д. 30, оп. 1, л. 4 об.).

И не все документы лишь дублируют друг друга.

Я скопировал последний документ и закрыл тонкую, полегчавшую от времени папку. Вот и все. Немного дали эти поиски. Да, немного, но однако же кое-что все-таки установить удалось. Плюс к тому, о чем уже говорилось выше, теперь известно: в Тобольском архиве, видимо, нет дела Ильинского — дела, про которое сам Достоевский писал, что в нем «как бы сконцентрирован весь ужас нашего времени». Но где-то лежит это дело — объемное, может быть, в нескольких томах,— с показаниями свидетелей, протоколами допросов, обвинительным заключением... Как здорово будет, если все это попадет, наконец, в руки вдумчивых литературоведов, которые раскроют нам, читателям, еще одну тайну творчества великого Достоевского! Надо искать. А вдруг!..

А. ЛЕЙФЕР.

Окончание. Начало в № 116 за 2 октября 1971 г.